

# **А Д В О К А Т С К А Я   П А Л А Т А**

## **города Москвы**

### **С О В Е Т**

---

#### **РЕШЕНИЕ**

**город Москва**

**№ 107**

**28 мая 2026 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ....., с участием адвоката В., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ф. Е.Н. от 16 февраля 2026 года (вх. № ... от ...) и представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы К. от 18 марта 2026 года № ... в отношении адвоката В. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

#### **установил:**

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 15 апреля 2026 года вынесла заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом В. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф. Е.Н., что выразилось в том, что, получив от доверителя Ф. Е.Н. 28 ноября 2025 года наличные денежные средства в сумме 250 000 рублей в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи, заключенному 28 ноября 2025 года (датированному 27 ноября 2025 года), адвокат В. не выдал доверителю Ф. Е.Н. финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о нарушении адвокатом В. положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в Соглашение об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенного 28 ноября 2025 года с Ф. Е.Н., предусматривающего защиту Ф. по уголовному делу в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного

п. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, неясных, противоречивых условий, не позволяющих идентифицировать объем, предмет и содержание поручения, место оказания юридической помощи и стадии уголовного судопроизводства;

3) о нарушении адвокатом В. положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснением по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденным решением Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 года, Разъяснением Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 года, выразившемся во включении в п. 6 Соглашения об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенного 28 ноября 2025 года с Ф. Е.Н., условия о том, что оплата производится на открытый в «...Банк» счет адвоката, при полном отсутствии реквизитов счета, а также в п. 9 Соглашения условия о том, что внесение доверителем оплаты подтверждается отметкой на бланке Соглашения, а не квитанцией к приходному кассовому ордеру;

4) о нарушении адвокатом В. положений пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года, выразившемся во включении в п. 10 Соглашения об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенного 28 ноября 2025 года с Ф. Е.Н., условия о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при досрочном расторжении соглашения;

5) о нарушении адвокатом В. положений пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 7 ст. 14, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в отсутствии в Соглашении об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенном 28 ноября 2025 года с Ф. Е.Н., указаний на наименование и адрес адвокатского образования, в котором состоит адвокат В., сведений о регистрации Соглашения в адвокатском образовании, контактных данных самого адвоката, а также указания регистрационного номера адвоката В. в реестре адвокатов города Москвы, а не в Едином государственном реестре адвокатов;

6) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе Ф. Е.Н. 16 февраля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях

(бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат В. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и сообщил, что согласен с выводами Квалификационной комиссии, кроме вывода по п. 1 дисциплинарных обвинений. Настаивал на том, что квитанция о приеме денежных средств доверителю была выдана. Пояснил, что, когда заявитель пожелала перевести ему денежные средства на его банковский счет, банк заблокировал эти переводы. После оплаты наличными он расписался на обратной стороне Соглашения в получении денежных средств и выдал Ф. Е.Н. квитанцию к приходному кассовому ордеру. Утверждает, что по заключенному с Ф. Е.Н. Соглашению принял на себя обязательства по защите Ф. и в полной мере осуществлял его защиту. Несмотря на наличие правильно указанных в заключении Квалификационной комиссии ошибок в предмете Соглашения, между ним и заявителем Ф. Е.Н. нет и не было спора относительно предмета Соглашения. Денежные средства, полученные от заявителя, были им внесены на личный счет, открытый в АО «Банк ...», в первый рабочий день после передачи ему наличных денежных средств. В настоящее время подтвердить их зачисление адвокат не может по причине закрытия счета в данном банке. Свою вину в нарушениях, выразившихся в существенных пороках Соглашения, признал полностью, обязался в дальнейшем подобных нарушений не допускать. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что отозвал свою апелляционную жалобу на постановление об избрании в отношении Ф. меры пресечения, посчитав, что актуальность обжалования отпала, поскольку уже было инициировано продление срока его содержания под стражей. С доверителем данное действие было согласовано. Использование порочного соглашения об оказании юридической помощи с недопустимыми условиями объяснил тем, что не знал об обязательных требованиях, предъявляемых к соглашению.

Заявитель Ф. Е.Н., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая заключение Квалификационной комиссии, заявила ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие (вх. №... от ... г.), в котором также полностью согласилась с заключением Квалификационной комиссии. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившейся заявителя Ф. Е.Н.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений и правовую квалификацию нарушений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат В. принял в АИС заявку на осуществление защиты Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, на стадии предварительного расследования в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ. Адвокат вступил в уголовное дело в качестве защитника, принял участие в следственных и иных процессуальных действиях, произведенных с Ф. 24 ноября 2025 года. Постановлением 3. районного суда города Москвы от 25 ноября 2025 года в отношении Ф. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 00 месяца 23 суток, то есть до 17 декабря 2025 года. 27 ноября 2025 года на данное постановление поступила апелляционная жалоба адвоката В., осуществлявшего защиту Ф. в суде первой инстанции при рассмотрении вопроса о мере пресечения.

28 ноября 2025 года в ходе личной встречи между адвокатом В. и Ф. Е.Н. – супругой Ф. было заключено «Соглашение по уголовному делу» (далее Соглашение), датированное 27 ноября 2025 года. В соответствии с п. 1 и 2 Соглашения адвокат принял на себя обязательство оказать юридическую помощь «по уголовному делу супруга Клиента». В тот же день Ф. Е.Н. была произведена оплата наличными денежными средствами в размере 250 000 рублей и адвокатским кабинетом адвоката В. выдан ему ордер на защиту.

12 декабря 2025 года судом был продлен срок содержания Ф. под стражей сроком на 03 месяца 00 суток, то есть до 17 марта 2026 года. 15 декабря 2025 года защитником – адвокатом В. на указанное постановление была подана апелляционная жалоба, однако после участия 16 декабря 2025 года в судебном заседании указанная апелляционная жалоба адвокатом В. была отозвана.

26 декабря 2025 года Ф. отказался от защитника В., а 12 января 2026 г. заявитель Ф. Е.Н. в мессенджере направила адвокату В. сообщение с просьбой вернуть неотработанную сумму денежных средств по Соглашению, на что он ответил, что в соответствии с Соглашением в случае его досрочного расторжения оплаченные денежные средства не возвращаются.

В представлении вице-президента Адвокатской палаты города Москвы К. против адвоката В. выдвигаются дисциплинарные обвинения во включении в Соглашение с доверителем Ф. Е.Н. целого ряда недопустимых, дискриминационных в отношении обоих доверителей и неясных условий.

Заявитель Ф. Е.Н. в своей жалобе выдвинула в отношении адвоката В. следующие дисциплинарные обвинения:

- 1) в невыдаче ей финансового документа, подтверждающего принятие от нее адвокатом В. вознаграждения в размере 250 000 рублей в наличной форме;

- 2) в указании в Соглашении об оказании юридической помощи даты его заключения 27 ноября 2025 года, в то время как оно было заключено 28 ноября 2025 года;

3) во введении в заблуждение («обманом инициировал выплату ему денежных средств в размере 250 000 рублей»).

4) в том, что он не принял на себя обязательства по защите Ф. на стадии предварительного расследования уголовного дела.

Рассматривая выдвинутое вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы К. дисциплинарное обвинение в указании адвокатом В. в Соглашении от 27 ноября 2025 года предмета поручения, который носит произвольный, неконкретный и противоречивый характер, Совет признает его обоснованным. Согласно п. 1 Соглашения его предметом указана «Работа по уголовному делу супруга Клиента Ф...., связанная с оказанием ему юридической помощи». При этом во вводной части Соглашения в качестве «Клиента» указана Ф. Е.Н., а не Ф. В п. 2 Соглашения указывается, что «Работа состоит из следующих частей: а) изучение документов по данному делу, представленных Клиентом; б) консультации Клиента по данному делу; в) участие в следственных действиях в роли защитника Клиента; д) изготовление и подача если потребуется заявлений, ходатайств и жалоб в защиту Клиента; е) участие в судебном следствии». Таким образом, из буквального толкования указанных выше условий следует, что перечисленную юридическую помощь адвокат В. должен оказать не Ф., а «Клиенту» – Ф. Е.Н.

В Соглашении содержатся и иные пороки, не позволяющие должным образом определить объем обязательств, вытекающих из него, а также стадию, на которой оказывается юридическая помощь. Так, из п. 11 Соглашения усматривается, что «соглашения на участие в вышестоящих судебных инстанциях, при достижении договоренности, заключается отдельно». Однако не указано, какие именно «вышестоящие судебные инстанции» имеются в виду, а следовательно – не ясно и то, участие в каких судебных инстанциях охватывается данным Соглашением, и участие в каком именно «судебном следствии» имеется в виду в подп. «е» п. 2.

Неопределенность предмета принятого адвокатом поручения вводит доверителя в заблуждение, влечет для него риск неполучения ожидаемой юридической помощи и дополнительных финансовых затрат. Для адвоката подобная неопределенность также создает риск возникновения спора с доверителем об объеме принятого поручения.

Подпункт 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что предмет поручения является существенным условием соглашения об оказании юридической помощи. В связи с этим предмет поручения должен быть сформулирован четко, конкретно и однозначно, чтобы у сторон не возникало споров о том, какую именно помощь, в каком объеме и на каком этапе обязан оказать адвокат.

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат обязан обеспечивать соответствие содержания Соглашения всем требованиям закона и его полную ясность для доверителя. Эти обязательные требования адвокат В. в данной части не исполнил.

Описанные пороки Соглашения вводят обоих его доверителей (Ф. Е.Н. как лицо, заключившее Соглашение, и Ф. как получателя юридической помощи) в заблуждение относительно объема и содержания оказываемой адвокатом В.. юридической помощи и создают правовую неопределенность в отношениях сторон Соглашения. При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что адвокатом В. нарушены требования пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Вместе с тем, Совет считает необходимым исключить из правовой квалификации данного нарушения указание на нарушение требований п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката как избыточное. Приходя к такому выводу, Совет исходит из того, что в заключении Квалификационной комиссии и материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что адвокат В., сформулировав подобным недопустимым образом в Соглашении предмет поручения, именно этими действиями способствовал подрыву доверия как к нему, так и к адвокатуре. Совет также учитывает, что адвокат В. фактически оказывал юридическую помощь Ф., что соответствовало содержанию его договоренности с Ф. Е.Н. относительно предмета поручения.

Переходя к рассмотрению выдвинутого вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы К. дисциплинарного обвинения о включении в п. 6 Соглашения условия о том, что «оплата производится на счет адвоката открытым в «...Банк» или наличными» в отсутствие в Соглашении реквизитов банковского счета, и в указании в п. 9 Соглашения условия о том, что внесение доверителем оплаты подтверждается «отметкой на бланке Соглашения» и подписями сторон, в то время как этот факт должен подтверждаться выдачей адвокатом соответствующего финансового документа, Совет отмечает следующее.

Подпункт 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что к существенным условиям соглашения относятся условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно. Согласно п. 6 Соглашения «Стоимость выполняемых работ составляет 250 000 рублей. Оплата производится на счет адвоката открытым в «...Банк» или наличными». Однако реквизиты банковского счета адвоката В. в Соглашении отсутствуют, что не позволяет доверителю воспользоваться безналичным способом оплаты. Кроме того, пунктом 9 Соглашения вопреки установленному порядку предусмотрено, что «О внесении суммы оплаты и о выполнении каждой части Работы делается отметка на бланке Соглашения, который находится у сторон, в подтверждении чего обе стороны ставят свои подписи». Между тем, факт оплаты доверителем денежных средств по соглашению должен подтверждаться не «отметкой на бланке соглашения», подтвержденной подписями сторон, а выдачей адвокатом доверителю

соответствующего финансового документа, предусмотренного законодательством.

Так, согласно Разъяснению по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденному Решением Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 года, для надлежащего оформления приема наличных денежных средств в счет оплаты услуг адвокатов в кассу адвокатского образования необходимо и достаточно заполнять приходно-кассовые ордера и выдавать квитанции к ним, подтверждающие прием денежных средств, вести кассовую книгу и журнал регистрации ордеров. Эти же требования содержатся в Разъяснении Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 года. Эти решения приняты органами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в пределах их компетенции и обязательны для всех адвокатов в силу пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Однако адвокатом В., осуществляющим профессиональную деятельность в адвокатском кабинете, они проигнорированы.

«Отметка на бланке Соглашения», сделанная адвокатом В. о получении адвокатом денежных средств от доверителя, ни в коей мере не заменяет собой квитанцию к приходному кассовому ордеру и не освобождает адвоката от исполнения этой обязанности. Включение данного недопустимого условия в Соглашение нарушает права доверителя, создает состояние неопределенности в финансовых взаимоотношениях между ним и адвокатом, и может повлечь отказ в компенсации доверителю судебных издержек, поскольку надлежащим подтверждением несения расходов при оплате вознаграждения наличными средствами является именно квитанция к приходному кассовому ордеру.

Учитывая вышеизложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом В. при описанных обстоятельствах требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснением по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденным решением Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 года, Разъяснением Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 года. Вместе с тем, Совет считает необходимым исключить из правовой квалификации данного

нарушения указание на нарушение требований п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката как избыточное. Приходя к такому выводу, Совет, как и в предыдущем случае, исходит из того, что в заключении Квалификационной комиссии и материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства того, что адвокат В., сформулировав подобным недопустимым образом в Соглашении порядок внесения оплаты вознаграждения за оказываемую им юридическую помощь и документального подтверждения получения этой оплаты, именно этими действиями способствовал подрыву доверия как к нему, так и к адвокатуре. Совет также учитывает, что адвокат В. не скрывал и не отрицал получения от доверителя вознаграждения в сумме 250 000 рублей.

Выдвинутое вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы К. дисциплинарное обвинение во включении адвокатом В. в п. 10 Соглашения условия о невозврате (удержании) адвокатом «оплаченной суммы» при досрочном расторжении соглашения также нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Право доверителя на расторжение соглашения об оказании юридической помощи в любой момент является выражением принципа свободы договора, его реализация не подлежит каким-либо ограничениям или санкциям. Согласно п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, при расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условие об обязанности доверителя в случае расторжения им соглашения выплатить адвокату какие-либо суммы в виде неустойки, пени и т.п., либо об удержании адвокатом неотработанной части внесенного гонорара.

Указанные выше требования должны исполняться всеми адвокатами города Москвы в силу пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции. Однако рассматриваемое недопустимое условие, включенное адвокатом В. в п. 10 Соглашения, этим требованиям противоречит и безосновательно ограничивает право доверителя на свободный отказ от соглашения, что не может быть признано надлежащим исполнением адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем. Таким образом, адвокатом В. при описанных обстоятельствах нарушены требования пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам

профессиональной этики адвоката от 29 сентября 2014 года «О соглашении на оказание юридической помощи».

При этом Совет отмечает, что именно со ссылкой на это недопустимое условие Соглашения адвокат В. отказался возратить доверителю Ф. Е.Н. неотработанную часть вознаграждения при расторжении ею Соглашения. По этой причине Совет полагает необходимым обязать адвоката В. исполнить свои обязанности перед доверителем Ф. Е.Н., вытекающие из признания настоящим Решением условия Соглашения о невозврате выплаченного адвокату вознаграждения нарушающим нормы профессиональной этики адвоката.

Нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства и выдвинутое вице-президентом Адвокатской палаты города Москвы К. дисциплинарное обвинение в неуказании адвокатом В. в Соглашении наименования и адреса адвокатского образования, в котором он состоит, сведений о регистрации Соглашения в адвокатском образовании, контактных данных самого адвоката, а также в указании регистрационного номера адвоката В. не в Едином государственном реестре адвокатов Российской Федерации, а в «реестре адвокатов г. Москвы».

Согласно пп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является «указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате». Согласно п. 1 ст. 14 указанного Федерального закона федеральный орган юстиции по ведет Единый государственный реестр адвокатов, сведения в котором являются открытыми и общедоступными. Данные положения закона направлены на исключение неопределенности относительно личности и статуса адвоката, принимающего поручение по соглашению об оказании юридической помощи, путем доведения указанной информации до сведения лица, заключившего данное соглашение с адвокатом, а также лиц, в пользу которых оно может быть заключено. Информирование доверителей адвоката о личности адвоката, оказывающего им юридическую помощь, а также о его принадлежности к адвокатскому образованию и адвокатской палате является важным условием реализации их прав.

Вопреки этим требованиям закона во вводной части Соглашения указано, что оно заключено В. с указанием на его номер ... в «реестре адвокатов города Москвы», а не в Едином государственном реестре адвокатов. В заключительной части Соглашения содержится только подпись адвоката, без указания на наименование и адрес адвокатского образования, в котором состоит адвокат В., отсутствуют сведения о регистрации Соглашения в адвокатском образовании, не указаны контактные данные адвоката В.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом В. нарушены требования

пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 7 ст. 14, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Рассматривая выдвинутое заявителем Ф. Е.Н. дисциплинарное обвинение в невыдаче ей адвокатом В. финансового документа, подтверждающего получение от нее вознаграждения в размере 250 000 рублей в наличной форме, Совет отмечает следующее.

Пункт 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что денежные средства в счет уплаты вознаграждения и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет. При этом, как указано выше, выдача квитанции к приходному кассовому ордеру (или иного документа строгой отчетности) является не правом, а обязанностью адвоката, обеспечивающей прозрачность расчетов и защиту прав доверителя. Эта обязанность прямо предусмотрена Разъяснениями по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 года. Однако адвокатом В. эта обязанность не исполнена, что в значительной степени является следствием включения им в Соглашение недопустимого условия о подтверждении получения вознаграждения «отметкой на бланке Соглашения», подтвержденной подписями сторон.

Получив от доверителя Ф. Е.Н. денежные средства по Соглашению, адвокат В. был обязан выдать ей квитанцию установленного образца, подтверждающую по проведению операции с ее денежными средствами. Однако эту обязанность он также проигнорировал. Более того, из содержащейся в материалах дела переписки заявителя Ф. Е.Н. с адвокатом В. следует, что она указала адвокату В. на отсутствие его подписи, подтверждающей получение денежных средств, что свидетельствует об отсутствии у нее какого-либо документального подтверждения адвокатом В. факта получения им вознаграждения. Такое профессиональное поведение адвоката не может быть признано надлежащим исполнением обязанностей перед доверителем.

Учитывая вышеизложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокатом В. при описанных обстоятельствах нарушены требования пп. 1 п. 1. ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката В. в части описанных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в указанных дисциплинарных нарушениях – установленной. В этой связи Совет считает необходимым вновь подчеркнуть следующее. Поскольку

адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката) распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на все вопросы формализации отношений адвоката с доверителем. При этом требования к формализации этих отношений (и, соответственно, их неисполнение) не могут рассматриваться как второстепенные и менее значимые, чем какие-либо иные профессиональные обязанности адвоката. Более того, «нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам, а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном итоге подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту» (См. *Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2004. Выпуск № 11-12 (13-14). Москва. С. 18*).

Адвокат В., являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, самостоятельно определяет условия заключаемых им соглашений об оказании юридической помощи. Включение им в Соглашение условий, прямо противоречащих закону и обязательным разъяснениям органов адвокатского самоуправления, с учетом его длительного профессионального стажа, не может быть оправдано незнанием или ошибкой. Такие действия, тем более носящие системный характер, представляют собой сознательное пренебрежение профессиональными обязанностями и формируют в глазах доверителя образ адвоката, не связывающего себя требованиями закона, а действующего по своему усмотрению, в том числе в ущерб интересам доверителя.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в оценке оставшихся дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем в отношении адвоката В., как не подтвердившихся в результате дисциплинарного разбирательства.

Так, указание в Соглашении об оказании юридической помощи датой его заключения 27 ноября 2025 года, в то время как фактически оно было заключено 28 ноября 2025 года, является обстоятельством технического характера, никак не нарушает права доверителя и в силу этого не может быть признано дисциплинарным проступком. К тому же из неопровергнутых заявителем пояснений адвоката В. следует, что текст Соглашения был подготовлен им 27 ноября 2025 года, однако подписано оно было сторонами при встрече 28 ноября 2025 года.

Дисциплинарные обвинения во введении адвокатом В. заявителя Ф. Е.Н. в заблуждение, а также в том, что он «обманом инициировал выплату ему денежных средств в размере 250 000 рублей» и не принял на себя обязательства по защите Ф., сформулированы неконкретно и не подтверждены доказательствами. Заявитель не конкретизировала, в чем именно выразился обман, а факт принятия и исполнения адвокатом В. поручения на защиту Ф. по уголовному делу на основании Соглашения подтвержден материалами дела. В соответствии с пп. 6-7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Поскольку рассматриваемые дисциплинарные обвинения этим требованиям не соответствуют, дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката В. за допущенные нарушения, Совет учитывает их грубый и систематический характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом В. обязательных требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики, сопряженный с нарушением прав доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недобросовестным, недопустимым и умаляющим авторитет адвокатуры. Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат В., имеющий длительный профессиональный стаж, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, вину признал, заверил Совет в том, что переработал текст Соглашения, и обязался не допускать подобных нарушений. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату В. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет также считает необходимым указать адвокату В. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленных профессиональных обязанностей постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке, а также соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (пп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса

профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

**решил:**

Применить к адвокату В. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– нарушение требований пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся во включении в Соглашение об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенное 28 ноября 2025 года с Ф. Е.Н. и предусматривающее защиту Ф. по уголовному делу в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, неясных, противоречивых условий, не позволяющих идентифицировать объем, предмет и содержание поручения, место оказания юридической помощи и стадии уголовного судопроизводства;

– нарушение требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, во взаимосвязи с Разъяснением по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 года, Разъяснением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 года, выразившееся во включении в п. 6 Соглашения об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенного 28 ноября 2025 года с Ф. Е.Н., условия о том, что оплата производится на открытый в «...Банк» счет адвоката, при полном отсутствии реквизитов счета, а также в п. 9 Соглашения условия о том, что внесение доверителем оплаты подтверждается отметкой на бланке Соглашения, а не квитанцией к приходному кассовому ордеру;

– нарушение требований пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года, выразившееся во включении в п. 10 Соглашения об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенного 28 ноября 2025 года с Ф. Е.Н., условия о невозврате (удержании) адвокатом вознаграждения при досрочном расторжении соглашения;

– нарушение требований пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 7 ст. 14, ст. 21, 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в неуказании в Соглашении об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенном 28 ноября 2025 года с Ф. Е.Н., наименования и адреса адвокатского образования, в котором состоит адвокат В., сведений о регистрации Соглашения в адвокатском образовании, контактных данных самого адвоката, а также в указании регистрационного номера адвоката В. в реестре адвокатов города Москвы, а не в Едином государственном реестре адвокатов;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ф. Е.Н., выразившееся в том, что он, получив от доверителя Ф. Е.Н. 28 ноября 2025 года наличные денежные средства в сумме 250 000 рублей в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 27 ноября 2025 года, заключенному 28 ноября 2025 года, не выдал доверителю Ф. Е.Н. финансовый документ по проведению операции с денежными средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. по жалобе Ф. Е.Н. 16 февраля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Обязать адвоката В. исполнить свои обязанности перед доверителем Ф. Е.Н., вытекающие из признания настоящим Решением условия Соглашения о невозврате выплаченного адвокату вознаграждения нарушающим нормы профессиональной этики адвоката.

**Президент  
Адвокатской палаты города Москвы**

**С.Б. Зубков**